

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Б. ШАПИРО

ЕСТЬ ЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ КАК ЧАСТЬ РЕЧИ?

О «категории состояния» за последние два-три десятилетия писали многие. Фигурирует она и в программах и учебных пособиях по современному русскому языку для высшей школы. Считается бесспорным, что «категория состояния» — особая часть речи в русском языке, занимающая в нем такое же место, как и все остальные части речи.

Теоретической разработкой вопроса о «категории состояния» занимались крупнейшие советские языковеды — Л. В. Щерба, И. И. Мещанинов и В. В. Виноградов. Некоторые интересные положения о «категории состояния» мы находим в недавно вышедшей работе А. В. Исаченко¹.

Впервые на эту группу слов обратил внимание А. Х. Востоков, отметивший, что у кратких прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени, а также у слов типа *можно, жаль, лъзя, лень* имеются некоторые черты глагола: время, значение безличности. Востоков, правда, не выделил эти слова в особую часть речи, а отнес их к глаголам, изъяв их тем самым из классов существительных, прилагательных и наречий, куда их зачисляли по установившейся традиции.

Всестороннее и обстоятельное изучение слов, относимых к «категории состояния», имеет большое значение, так как углубляет учение о слове как в лексическом, так и в синтаксическом аспектах. В результате такого изучения открываются подчас новые возможности освещения некоторых процессов в области исторического синтаксиса (например, историч. синтаксических функций кратких прилагательных и наречий на -о в связи с характером их лексических значений), исследования некоторых типов безличных предложений (например, безличных предложений типа *Нечего делать, Некуда пойти; Не с кем посоветоваться* и др.), а также закономерностей употребления в качестве сказуемых имен существительных, обозначающих состояние, отношение и т. п. (*Она в ужасе, Он без сознания, Я всему виною, Он из купцов* и т. п.).

Однако вопрос о том, что рассматриваемые типы слов образовали в русском языке самостоятельный и цельный грамматический класс, выступающий как новая часть речи, нельзя считать разрешенным в положительном смысле. Та аргументация, которая до настоящего времени выдвигалась и продолжает выдвигаться в пользу признания особой части речи — «категории состояния», не может быть признана убедительной.

¹ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I, Братислава, 1954 [тит. л. паралл.— на русском и чешском языках].

*

Для решения вопроса о принадлежности слова или целого разряда слов к той или иной из существующих в языке частей речи нужно исходить из того, на каком принципе основано самое учение о частях речи. Тем более нужна полная определенность в указанной области, когда речь идет о формировании в языке новой части речи (независимо от того, закончился или еще продолжается процесс формирования). ✓

Конечно, в основу классификации любых явлений действительности могут быть положены различные принципы. Но несомненно то, что при выборе классификационного принципа следует избирать сущест-
2 в е н н ы е признаки классифицируемых объектов, т. е. такие, в которых в наибольшей степени отражаются их специфические черты.

Можно рассматривать части речи в русском языке (как и в любом из существующих языков) как лексические классы слов. Для русского языка это означало бы классификацию слов по значениям их основ. Такая классификация относилась бы к семасиологии, но не была бы грамматической классификацией.

Можно рассматривать части речи исходя из функций, выполняемых словом в предложении. Но при такой классификации части речи совпадали бы с членами предложения. Если такая классификация и возможна в языках корневых, т. е. таких, в которых слова не имеют морфологического строения, то в языках флективных она привела бы к тому, что в одну и ту же «часть речи» попали бы слова с самыми различными значениями (предметности, действия, признака и т. п.) и морфологическим строением: известно, что один и тот же член предложения может выражаться в этих языках словами, существенно различающимися по своим грамматическим значениям.

Грамматическое учение о частях речи не случайно возникло и сложилось в языках флективного строя. Есть все основания считать, что формальные элементы в словах выработались как структурные «отложения» их категориальных лексических значений и синтаксического употребления. Но и независимо от того, как представлять себе генезис морфологических форм слов, нельзя отрицать того очевидного факта, что в очень многих современных языках строение слова находится в самой непосредственной связи с выражаемыми в нем определенными категориальными значениями: лица, числа, рода, падежа и т. п. Эти структурные черты слов образуют строгую систему, позволяющую классифицировать слова совершенно независимо от значения их основ и от их функций в словосочетании и в предложении¹.

Все это дает основание считать части речи морфологическими классами слов. Каждый из этих классов обладает определенным комплексом форм, являющимся показателем грамматического значения слова. В результате длительного употребления в роли членов предложения слова стали различаться своими «благоприобретенными» синтаксическими свойствами, из которых одни являются для этих слов основными (например, функция определения для полных прилагательных), другие — второстепенными (например, функция подлежащего для инфинитива) или реализующимися лишь в определенных условиях (например, функция сказуемого для существительного и прилагательного). За каждой частью речи закрепляются определенные «словосочетательные» свойства: она связывается в ре-

¹ Следует оговориться, что речь идет о так называемых «полных», или «знаменательных», словах, т. е. словах, выполняющих номинативную или указательно-номинативную функцию и потому являющихся членами предложения.

чи с другими словами, образуя цельные по смыслу словесные двучленные группы («словосочетания»). Так, за полными прилагательными закрепилось свойство сочетаться с существительными всех типов, за всеми наречиями — свойство сочетаться с глаголами, за некоторыми типами наречий — свойство сочетаться с отглагольными существительными (*спуск вниз, бой вруклопашную*) и т. п.

*

В ряде работ, опубликованных в последние десятилетия, все чаще и настойчивее проводится взгляд на части речи в русском языке как на классы слов, характеризующиеся различными признаками: не только морфологическими, но и синтаксическими, а также лексическими. А. А. Шахматов писал, что «морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи»¹. Он неоднократно указывает на то, что препятствием к установлению принадлежности слов к той или иной части речи на основе их морфологических признаков является наличие в русском языке таких слов, которые морфологически не обнаруживают их связи со свойственными данной части речи грамматическими категориями (несклоняемые существительные, неспрягаемые глагольные формы — инфинитив, деепричастие и т. п.). Попытка А. А. Шахматова дать синтаксическую характеристику частей речи русского языка² не может быть признана удачной. Эта характеристика не содержит в себе определений частей речи. Не удовлетворившись, видимо, данными «определениями», А. А. Шахматов указывает на более глубокие основания для различения частей речи — основания семасиологические; он приходит к выводу, что «необходимо определить отношения частей речи к нашим психологическим представлениям»³.

Точка зрения А. А. Шахматова оказала серьезное влияние на изучение вопроса о частях речи в последующий период. А. М. Пешковский также думал, что учета одной лишь системы окончаний, т. е. одних только морфологических признаков слов, недостаточно для отнесения слова к той или иной части речи. Поэтому он считал необходимым положить в основу классификации слов по частям речи характер сочетаемости слов с другими словами в словосочетании. Однако при анализе прилагательного и глагола этот признак остается у Пешковского неиспользованным. Автор сам объясняет это тем, что в глаголе и прилагательном формальные признаки самих слов достаточно выразительны для того, чтобы на основании их могла быть установлена принадлежность к соответствующей части речи⁴.

Оказывается, таким образом, что привлечение синтаксических свойств слова как одного из признаков части речи понадобилось А. М. Пешковскому только для существительного, да и то только потому, что в составе этой части речи есть небольшое число слов, не имеющих форм. Если бы таких слов не было (а ведь это в большинстве своем слова заимствованные, грамматически не освоенные в нашем языке, либо аббревиатуры), для

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд., Л., 1941, стр. 420.

² «Существительное — это часть речи, не употребляющаяся в качестве обстоятельства и определения. Прилагательное — это часть речи, которая употребляется в качестве определения или сказуемого, а в нечленной форме также в качестве главного члена односоставного предложения. Наречие — это часть речи, употребляющаяся в качестве главного члена односоставного предложения, а также в качестве обстоятельства» (там же, стр. 427).

³ Там же, стр. 428.

⁴ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 112.

А. М. Пешковского (как, надо полагать, и для А. А. Шахматова) вопрос о синтаксических признаках частей речи, повидимому, и не возник бы.

Изложенный выше взгляд Шахматова на части речи получил дальнейшее развитие в грамматических высказываниях Л. В. Щербы. Считая, что грамматические категории должны иметь «внешние выразители», Л. В. Щерба указывает, что эти внешние выразители могут быть самыми разнообразными по своему характеру. «Категории могут иметь по несколько формальных признаков, из которых некоторые в отдельных случаях могут и отсутствовать. Категория существительных выражается своей специфической изменяемостью и своими синтаксическими связями. *Какаду* не склоняется, но сочетания *мой какаду*, *какаду моего брата*, *какаду сидит в клетке* достаточно характеризуют *какаду* как существительное»¹.

В приведенных словах ощущается еще непосредственная преемственная связь со взглядами А. А. Шахматова и А. М. Пешковского: сочетаемость слов является замещающим признаком для установления принадлежности слова к той или иной части речи при отсутствии морфологических показателей (характерно, что все три автора оперируют при этом несклоняемыми существительными). Но дальше Л. В. Щерба обнаруживает значительно более скептическое отношение к роли морфологических признаков при определении частей речи. Указывая, что «изменяемость по падежам является признаком существительных и прилагательных в русском языке», он спешит с примечанием: «Впрочем, едва ли мы поэтому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются; скорее мы потому их склоняем, что они существительные» — и тут же добавляет: «Я полагаю, что все же функция слова в предложении является в с я к и й р а з наиболее решающим моментом для восприятия»².

Но если так, то какое же значение имеют морфологические признаки слов? Выходит, что можно с ними совсем не считаться, лишь бы только знать, какова «функция слова в предложении». И если так, то совсем безразлично, склоняются ли существительные в русском языке или все они, подобно *какаду*, не обладают признаком «специфической изменчивости». А если действительно «наиболее решающим моментом для восприятия» категориального значения слова (принадлежности к той или иной части речи) является его функция в предложении, то на каких основаниях можно устанавливать различия грамматических систем языков: ведь функции слова с одинаковым лексическим значением более или менее одинаковы во всех языках, в то время как особенности строения слов и наличие в них тех или иных «выразителей» отдельных грамматических категорий в разных языках различны.

Л. В. Щерба не дал ясного ответа на вопрос о том, что такое часть речи, и не продвинул вперед проблему размежевания синтаксиса и морфологии как двух аспектов грамматического описания языковых фактов.

*

Взгляды Л. В. Щербы на части речи встретили сочувствие у большинства русских грамматистов и нашли отражение во многих грамматических работах. За период, превышающий четверть века, в нашей печати не было сделано ни одной попытки критически рассмотреть и оценить кон-

¹ Л. В. Щ е р б а, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, Новая серия, II, Л., 1928, стр. 8.

² Там же, стр. 6.

цепцию Л. В. Щербы. Этим объясняется тот факт, что выделенная им новая часть речи — «категория состояния» — получила быстрое признание в широких лингвистических и педагогических кругах. «Категория состояния» как самостоятельная часть речи в русском языке — вполне последовательный вывод из общей теории частей речи, изложенной Л. В. Щербой. Обратив внимание на то, что в русском языке остается «ряд слов..., подведение которых под какую-либо категорию затруднительно» (речь идет о словах *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т. п.), Л. В. Щерба готов вначале примириться с отнесением их «по формальному признаку неизменяемости» к наречиям, с оговоркой, что эти слова «...употребляются со связкой и функционируют как сказуемое безличных предложений». Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что указанные слова не подвоятся под категорию наречий, так как не относятся ни к глаголу, ни к прилагательному, ни к другому наречию»¹. К приведенным выше словам Л. В. Щерба присоединяет такие формы, как *холодно, светло, весело* и т. п. в фразах: *На дворе становилось холодно; В комнате было светло; Нам было очень весело* и т. п. «Может быть, — пишет Л. В. Щерба, — мы имеем дело здесь с особой категорией состояния (в вышеприведенных примерах никому и ничему не приписываемого — безличная форма) в отличие от такого же состояния, но представляемого как действие: *нельзя* (в одном из значений) | *запрещается; можно* (в одном из значений) | *позволяется; становится холодно | холодает...* Формальным признаком этой категории были бы неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой, с другой...»².

Внеся такое предложение, Л. В. Щерба тут же добавляет: «Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория в русском языке»³. Как бы ослабив последней оговоркой свою «ответственность» за выдвинутую новую категорию, Л. В. Щерба переходит к постепенному расширению ее объема. Сперва он указывает, что в категорию состояния может быть введен и ряд слов, выступающих в личных конструкциях: *я готов, я должен, я рад, я способен, я болен, я намерен*. Таким образом, отбрасываются признаки безличности и неизменяемости, которые немногими строками выше были выдвинуты в качестве характерных для категории состояния. Вступив на этот путь, Л. В. Щерба пишет: «В конце концов правильны будут и следующие противоположения: *я весел* (состояние) | *я веселюсь* (состояние в виде действия)... *он шумен* (состояние) | *он шумит* (действие) | *он шумливый* (качество)... и без параллельных глаголов: *он печален* | *он печальный...* *палка велика для меня* | *палка—большая...* То же по смыслу противоположение можно найти и в следующих примерах: *я был солдатом* (состояние: «*j'ai été soldat*») | *я солдатствовал* (состояние в виде действия) | *я был солдат* (существительное: «*j'ai été un soldat*»).... Наконец под категорию состояния следует подвести такие слова и выражения, как *быть навеселе, наготове, настороже, замужем, в состоянии, на чеку, без памяти, без чувств, в шутке* и т. п. и т. п. Во всех этих случаях *быть* является связкой... поэтому слова *навеселе, наготове* и т. д. едва ли могут считаться наречиями. Они все тоже выражают состояние...»⁴

Так, начав с попытки грамматического выделения (пусть по синтаксическому признаку сочетаемости) слов, зачисляемых в «категорию состояния» как в особую часть речи, Л. В. Щерба приходит в конце концов к тому, что единственным признаком, объединяющим все слова,

¹ Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, стр. 16.

² Там же, стр. 17.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 17—18.

относимые им к этой «части речи», оказывается их лексическое значение (конечно, в соответствующем грамматическом оформлении): это ясно вытекает из того, что, зачисляя в категорию состояния такие слова, как *готов, болен, навеселе, без чувств* и т. п., он не дает в числе примеров таких слов, как *веселлив, прост, знаком, накоротке* (обозначающие не состояние, а взаимоотношение), *без танцев* (например, *Вечер будет без танцев*) и т. п.

Почувствовав уже в самом начале описания «категории состояния» шаткость занятой позиции, Л. В. Щерба в конце раздела, посвященного им этой «части речи», высказывается еще более осторожно. Он пишет: «Хотя все эти параллели едва ли укрепили мою новую категорию, так как слишком разнообразны средства ее выражения, однако несомненными для меня являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях, но не получила еще, а может и никогда не получит общей марки. Сейчас формально категорию состояния пришлось бы определять так: это слова в соединении со связкой, не являющиеся, однако, ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями: нуль для мужского рода, -а для женского рода, -о, -э (искренне) для среднего рода, или формой творительного падежа существительных (теряющей тогда свое нормальное, т. е. инструментальное значение)¹. Самый этот итог, к которому пришел Л. В. Щерба, как нельзя более выразителен. Оказывается, не только нельзя утверждать, что «категория состояния» укрепилась в русском языке как самостоятельный и грамматический класс слов (часть речи) наравне с другими классами, но возможно, что она никогда не получит «общей марки». В чем черпает Л. В. Щерба свое убеждение, что русский язык делает попытки «иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях», — трудно сказать: ведь все те явления, которые зачисляются в наше время в «категорию состояния», существовали уже и в древнерусском языке (подробнее об этом см. ниже) и продолжали существовать в русском языке во все периоды его жизни вплоть до настоящего времени, причем не наблюдается никаких явлений, свидетельствующих об их морфологической и синтаксической концентрации вокруг каких-либо существенных, «ведущих» для всей категории признаков.

Попытка Л. В. Щербы дать «формальное» определение «категории состояния» чрезвычайно показательна: единственным позитивным «формальным» признаком оказалось употребление со связкой. Но ведь со связкой при выполнении функции составного сказуемого выступают вообще все части речи, не являющиеся глаголами, а также некоторые неспрягаемые глагольные формы (причастия, инфинитив). А далее идет ряд негативных признаков (не полное прилагательное, не именительный падеж существительного). И весьма характерно утверждение, что слова «категории состояния» могут выражаться формами существительных, «формами с родовым окончанием» *нуль, -а, -о* (добавим: согласуемыми с существительными-подлежащими в роде и числе), иначе говоря: слова, принадлежащие к этой новой «части речи», могут выражаться формами других частей речи.

И. И. Мещанинов, опираясь на приведенную выше статью Л. В. Щербы и на высказывания по этому же вопросу В. В. Виноградова², также

¹ Там же, стр. 18.

² См. В. В. Виноградов, Современный русский язык, выпуски 1 и 2, М., 1938.

ввел «катеґорию состояния» в число частей речи русского языка. Он разделил все слова этой «части речи» на две группы: 1) безлично-предикативные формы, 2) нечленные прилагательные и причастия. И. И. Мещанинов резко противопоставляет морфологическую характеристику слов «категории состояния» их синтаксической функции. Он пишет, что слова первой группы «...сближаются по грамматической форме с наречиями, вторые же с прилагательными, краткою (нечленною) формою которых они и являются»¹. Неоднократно повторяя, что безлично-предикативные формы «категории состояния» тяготеют по грамматической форме к наречиям, И. И. Мещанинов в заключение рассматривает выделение их в особую часть речи как лексическое их обособление, покоящееся на синтаксической основе. Его вполне удовлетворяет то, что часть речи (в данном случае «категория состояния») характеризуется только функционально-синтаксическими признаками, а с точки зрения морфологической (по «грамматическим формам») может «тяготеть» к какой-нибудь другой части речи и даже быть формой другой части речи (см. приведенное выше утверждение, что слова, входящие во вторую группу «категории состояния», являются краткою формой прилагательных). Следует признать, что во взглядах И. И. Мещанинова на «категорию состояния» нет полной последовательности; это объясняется недостаточной ясностью его общей концепции взаимоотношения членов предложения и частей речи. Не должно в связи с этим удивлять и такое утверждение И. И. Мещанинова, которое в конце концов сводит на нет все его попытки обосновать существование в русском языке особой части речи — «категории состояния»: «Наречие... используется в основном своем значении как признак глагола или любой глагольной и отглагольной формы (*хорошо говорю, хорошо говорящий*). Наречие используется и отдельно в значении сказуемого (*мне хорошо*). Оно в этом случае оказывается синтаксически двузначным и не утрачивает возможности выступления в своем основном содержании обстоятельственного слова, хотя в отдельных контекстах и выступает сказуемым. В положении сказуемого могут выступать не только глагол, но и другие группы слов, не перестающие от этого оставаться другими частями речи. Если имя существительное остается им же и в позиции сказуемого, ср. *липа — дерево*, то и наречие не перестает быть наречием, когда самостоятельно выступает сказуемым, ср. *мне хорошо*»². Таким образом, слова, относимые к «категории состояния», остаются в то же время и наречиями: первое — по синтаксическому «использованию», второе — по «грамматическим формам». Что же такое после этого части речи?

В. В. Виноградов значительно углубил учение о «категории состояния», опираясь, в основном, на мысли Востокова и Некрасова и на концепцию Щербы. Поставив «категорию состояния» в один ряд со всеми остальными частями речи, он характеризует ее следующим образом: «Под категорию состояния подводятся несклоняемо-именные и наречные слова, которые имеют формы времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*) и употребляются только в функции сказуемого»³. Далее читаем: «Слова, относящиеся к категории состояния, выражают „недейственное“ состояние, которое может мыслиться безлично (*досадно, стыдно*) или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние (*я рад, ты должен* и

¹ И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945, стр. 270.

² Там же, стр. 274.

³ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 401.

т. п.). Так как формы времени в категории состояния аналитичны, то вся эта категория в целом носит яркий отпечаток аналитического строя. Формы: *я был рад* и *буду рад* (*будешь рад* и т. п.) — являются чистыми формами времени и наклонения, без всякой примеси видовых и залоговых значений¹.

Употребление входящих в «категорию состояния» слов в функции сказуемого — признак синтаксической. Одного этого признака, как уже было сказано выше, недостаточно для определения части речи, к которой относится слово. Исходя именно из этого признака (употребление с «вспомогательными глаголами *есть, было, будет*», т. е. в качестве сказуемых безличных предложений), Востоков относил такие слова, как *весело, можно, лъзя, жаль* и т. п., к глаголам, с чем, как видим, не согласны ни Л. В. Щерба, ни В. В. Виноградов.

Рассмотрим другие признаки — морфологические, а именно — формы времени и наклонения, приписываемые В. В. Виноградовым «категории состояния». Кроме этих форм, в словах «категории состояния», развившихся из кратких прилагательных, усматривается также форма лица². Наличие этой формы выводится из соотношения таких конструкций, как *я (ты, он) должен — должно, я (ты, он) виден — видно* и т. п. «Краткие формы имен прилагательных, утратив склонение и укрепившись в позиции сказуемого, приобретают оттенок времени», пишет В. В. Виноградов³. Это, видимо, надо понимать так, что поскольку краткие прилагательные постоянно употребляются как сказуемые, их форма ассоциируется с временным значением, и поскольку для выражения прошедшего и будущего времен привлекается связка *был—буду*, с отсутствием такой связки ассоциируется представление о настоящем времени. Это верно, но с существенной оговоркой: такая ассоциация относится к краткому прилагательному как к сказуемому, т. е. как к члену предложения, но не как к части речи. Как сказуемая конструкция, всякое краткое прилагательное, употребленное без связки, имеет значение настоящего времени. Но само по себе, как слово, морфологически, краткое прилагательное не заключает в себе ни форм времени, ни форм наклонения, ни форм лица. Ведь именно потому краткие прилагательные, при выполнении ими их сказуемостной функции, и нуждаются в связке, что сами они, в силу своей морфологической природы, лишены способности выражать категории времени, наклонения, лица, чем принципиально отличаются от спрягаемых форм глагола. И этой своей чертой краткие прилагательные (все сказанное относится в такой же мере и к кратким страдательным причастиям и наречиям на *-о*, и к таким словам, как *пора, жаль* и т. п.) ничем не отличаются от имен существительных и полных прилагательных, когда эти последние выступают в функции сказуемого [ср. *мой брат — учитель, мой брат — высокий; мой брат был (будет) учитель, высокий* и т. п.]. Тот факт, что краткое прилагательное употребляется исключительно в функции сказуемого, а существительные и полные прилагательные могут употребляться и в других синтаксических функциях, к характеру их морфологической структуры, какой она является в настоящее время, отношения не имеет.

Точно так же обстоит дело и с формой наклонения применительно ко всем разновидностям «категории состояния». *Я готов, мне весело, нам жаль, его* в такой же мере являются конструкциями с «оттенком» изъявительного наклонения, в какой этот же «оттенок» свойствен таким конструкциям,

¹ Там же, стр. 401—402.

² См. там же, стр. 405.

³ Там же, стр. 402.

как я учитель, колхоз — богатый и т. п. Значения других наклонений могут появиться только при введении связки (я был бы готов, будь готов, мне было бы весело, нам было бы жаль его; ср.: я был бы учитель, колхоз был бы богатый и т. п.), ибо категория наклонения свойственна глаголу и не свойственна никаким другим частям речи.

3) Что касается формы лица в применении к кратким прилагательным, то здесь не может быть речи о лице, свойственном глаголу: в понятие формы глагольного лица включается, помимо самой связи действия с его субъектом, также и представление одного из трех лиц, противопоставляемого двум другим, причем каждая из этих форм имеет свой звуковой показатель. Этого, конечно, нет и не может быть у краткого прилагательного в силу его грамматической природы и морфологического строения.

В. В. Виноградов указывает на то, что у кратких прилагательных в результате ограничения их синтаксических функций «...развиваются значения, не свойственные полным прилагательным, и складываются новые синтаксические связи»¹. В качестве примера приводятся слова *готов* в значении «пьян», *повинен* в значении «обязан», *зол* в значении «сердит»; при этом указывается, что многие такие краткие прилагательные приобретают свойство управлять теми же косвенными падежами существительных, какими управляют глаголы той же основы: *зол* — *злиться* на кого-нибудь, *сердит* — *сердиться* на кого-нибудь, *жив* — *жить* чем-нибудь и т. п. Это верно, как верно и то, что не только краткие, но и многие полные прилагательные управляют теми же косвенными падежами, что и однородные по основе глаголы; ср. *склонный* — *склонен* — *склоняться* к чему-нибудь, *гордый* — *горд* — *гордиться* чем-нибудь и т. п. И поэтому вполне понятен вывод, что лексические значения многих кратких форм не настолько далеко отошли от значений соотносительных полных форм, чтобы можно было видеть в них самостоятельные слова, оторвавшиеся от категории имени прилагательного. С именем прилагательным сближает эти формы общность словообразовательных признаков, у некоторых — наличие сравнительной степени. Кроме того, у многих кратких форм синтаксический отрыв от категории имени прилагательного не сопровождается изменением их лексических значений (ср. *кроток* — *кроткий*; *задумчив* — *задумчивый* и т. п.)... Нечто подобное наблюдается и в отношениях многих качественных наречий на *-о*, *-е* и *-ски* к лексически однородным именам прилагательным².

Получается впечатление, что автор цитированных строк склонен оставить рассмотренные формы в общей системе имен прилагательных и наречий, так как дальше он пишет: «Однако в категории состояния есть целый ряд и таких слов, которые в современном русском языке уже не могут быть связаны ни с каким другим определенным грамматическим классом... Они образуют грамматическое ядро категории состояния»³. Имеются в виду такие слова, как *рад*, *горазд*, *солон*, *намерен*, далее — такие, как *стыдно*, *совестно*, *можно*, *нужно* и т. п., и, конечно, такие, как *жаль*, *пора*, *недосуг*. Впрочем формулировка «... в категории состояния есть целый ряд и таких слов...» говорит о том, что и краткие прилагательные, и наречия на *-о*, *-е*, *-ски* также входят в «категорию состояния». Здесь — явное противоречие: слова эти, с одной стороны — не самостоятельные, не оторвались от категории имени прилагательного и наречия, а с другой — принадлежат к «категории состояния».

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 402.

² Там же, стр. 403—404.

³ Там же, стр. 404.

По мысли В. В. Виноградова, неоднократно им подчеркиваемой, указанное противоречие «снимается» тем, что «категория состояния» — не окончательно сформировавшаяся часть речи с ярко очерченными границами и морфологическими показателями, а грамматическая категория, формирующаяся, активно развивающаяся «на почве сложного грамматического переплетения свойств и функций имени, глагола и наречия»¹.

Для того чтобы утверждение о формировании и активном развитии «категории состояния» в русском языке могло считаться доказанным и бесспорным, необходимо аргументировать его специальным историческим исследованием, которое наглядно показало бы, как зародилась эта «категория», как шел, постепенно нарастая, процесс концентрации ее элементов вокруг определенного грамматического стержня, — процесс, приведший к тому, что появилась новая часть речи, занимающая равноправное положение среди всех других частей речи и могущая быть противопоставленной им на основе единого и существенного классификационного признака. Такого исследования не существует, а непосредственные наблюдения над историческими фактами говорят о противоположном — о том, что все те формы с их сказуемыми функциями, которые вводятся в «категорию состояния» и Л. В. Щерба, и В. В. Виноградов, издавна существуют в русском языке и что никаких принципиально новых явлений в данной области не происходит².

А. В. Исаченко также признает наличие в русском языке особого грамматического класса слов, в советской литературе именуемого «категорией состояния». Он называет эту часть речи предикативами: термин «категория состояния» его не удовлетворяет ввиду его многозначности, а также потому, что этот термин «...исходит прежде всего из семантического признака данного ряда слов, причем слова типа *можно, надо, нельзя*, а также такие слова, как *пора́*, только с известной натяжкой подводятся под общее значение „состояния“³. Нельзя не согласиться с тем, что термин «категория состояния» для наименования части речи неудачен: если его еще с некоторыми оговорками можно допустить для приведенных здесь слов, то он совершенно не подходит для огромного большинства кратких прилагательных. Но дело, в конце концов, не в термине, который всегда в какой-то степени условен, хотя не лишним будет отметить, что термины «категория состояния» и «предикативы» отражают не морфологическое «лицо» слов, а первый — их лексическое значение, второй же — их синтаксическую функцию.

Принимая в целом учение о «категории состояния» Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, А. В. Исаченко, однако, не признает «предикативами» краткие формы прилагательных, соотносительные по значению с полными формами, а также формы на -о (-е) типа *мне интересно, мне приятно, интересно, что...* и т. п.: последние А. В. Исаченко считает формами среднего рода кратких прилагательных; здесь он не совсем последователен, коль скоро основной признак «предикативов» видит в том, что «эта группа объединяет прежде всего такие слова, которые встре-

¹ Там же, стр. 420—421.

² А. В. Исаченко приводит много соответствующих примеров (из памятников как старославянского, так и древнерусского языка). Из старославянского: *лѣтъ нѣтъ* («нельзя»), *лѣзъ* («можно»), *нѣтъ лѣзъ* («нельзя»), *неволя естъ* («необходимо»), *оунѣ* или *оунѣ* («лучше»). Из древнерусского: *лѣзъ, нельзя, надобѣ, неволя, трѣбъ; жель, бѣда; ажно, неажно, льпо, дневно, угодно, борао, тяжко, ало, гобино, достышно, чѣдно, жить*. Сюда же автор относит и краткие формы прилагательных типа *рад, готов, жив, прав, виноват, противен, недуж* и др. Приведены и предложения, в которых перечисленные слова выступают в функции сказуемого (см. А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 360—361).

³ Там же, стр. 359.

чаются исключительно в функции сказуемого, оторвались от своих основных парадигм и приобрели особые формы времени»¹.

А. В. Исаченко предлагает и свою классификацию «предикативов». На первое место он ставит «модальные предикативы». В эту группу входят слова *надо, можно, нельзя, (я) должен, (я) намерен* и т. п. Формальным признаком «предикативов» этой группы автор считает аналитический способ выражения категории времени и наклонения, состоящий в акцентологическом ослаблении и энклитическом употреблении «вспомогательного глагола».

Считая излишним повторять сказанное выше по вопросу о форме времени у «категории состояния», отметим, что постпозитивность связки у сказуемых рассматриваемого типа действительно характерна для них (как увидим дальше — для сказуемых не только этого типа, но и некоторых других). Но если бы этот признак был связан с «предикативностью» слов, выступающих в функции сказуемых, то он охватывал бы предикативы в с е х типов. Если же он присущ только некоторым группам, то причину этого нужно искать не в особом употреблении аналитического способа выражения категории времени и наклонения, а в чем-то другом — вернее всего, в особенном характере лексических значений слов, о которых идет речь. Что касается ослабления ударения у «вспомогательных глаголов», то это явление связано с постпозитивностью как таковой и наблюдается не только у «предикативов». Ср.: *Я учѣтелемъ былъ, Ты моимъ помощникомъ будешь, Онъ совсемъ старикомъ (старымъ) становится* и т. п. (Следует иметь в виду, что связка даже и в препозитивном положении, если нет специальной надобности в ее выделении, акцентологически несколько ослабляется.)

Таким образом, если отбросить «особый» характер аналитического выражения времени и наклонения как вовсе не характерный для модальных «предикативов», то окажется, что единственным основанием для их выделения в особую группу является их лексическое значение модальности; в грамматике это, конечно, отношения не имеет.

Следующая группа — местоименные предикативы типа *ничего, некогда*. Слова этого типа (равно как и падежные формы *некого, не у кого, не с кем* и др.) действительно употребляются в качестве безлично-предикативных слов, но вместе с тем они же выполняют в предложении и другие функции — дополнений и обстоятельств.

«Предикативы» остальных групп выделяются по различным признакам: *пора, жаль* и т. п. — как слова, «восходящие к именам существительным» (генетический признак), другие — по лексическому значению слов («предикативы» чувственного восприятия, «предикативы» состояния, «предикативы» наличия — *есть, нет*).

Выше уже были высказаны критические замечания по вопросу о наличии у этой «категории» форм времени и наклонения. Мы убеждены, что положение о наличии м о р ф о л о г и ч е с к и х показателей времени и наклонения у «предикативов» свидетельствует о неразличении форм частей речи и форм членов предложения, т. е. фактов морфологических и фактов синтаксических. Нам могут возразить, указав на аналитические формы будущего времени (*буду читать*), степеней сравнения (*более интересный, самый интересный*), всеми единодушно относимые к морфологии. Но есть глубокое различие между этими аналитическими формами и такими, как *(я) должен был, жаль было, было весело* и т. п.: у первых значение части речи (глагола, прилагательного) р а с п р е д е л е н о между двумя лексическими единицами: так, в форме *буду читать*

¹ А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 362.

глагольные категории вида, залога, один из соотносительных показателей глагольного класса заключены в *читать*, а категории времени и наклонения — в *буду*; в форме *более интересный* все категории прилагательного (род, число, падеж, «полнота») заключены в *интересный*, а категория сравнительной степени — в *более*. У вторых же («предикативов») слова *должен*, *жаль*, *весело* и т. п. не заключают в себе н и к а к и х показателей принадлежности к особой части речи, а если и есть какие-либо морфологические показатели (например, формы рода и числа у таких слов, как *должен*, форма степени сравнения у таких слов, как *весело* — *веселее*), то они всегда «тянут» эти слова к одной из «старых» частей речи; грамматические же показатели (времени, наклонения, отчасти и вида) приходится искать в «вспомогательном глаголе», появляющемся только в предложении, когда соответствующее слово выступает в роли сказуемого.

*

Все изложенное говорит о том, что сторонниками «категории состояния» как особой части речи в русском языке исчерпаны все возможные аргументы для защиты их точки зрения. И тем не менее колебания и сомнения, высказанные основоположником учения о «категории состояния» — Л. В. Щербой, остаются неустранимыми. И хотя нельзя отрицать того факта, что ряд типов аналитических сказуемых действительно может быть объединен по признаку обозначения этими сказуемыми «состояний» (в довольно широком понимании этого слова), сказуемые эти тем не менее не образуют такого класса слов, который может претендовать на признание его самостоятельной частью речи.

Нужно ли во что бы то ни стало добиваться «общей марки» для рассматриваемого типа сказуемых? Так ли действительно важно найти особое морфологическое «гнездо» для этих сказуемых и дать ему название (кстати, и название-то придумать оказывается не просто)? Не важнее ли для правильного, т. е. соответствующего реальной действительности, освещения грамматического строя современного русского языка описать то, что есть в языке, и так, как оно есть, положив в основу факты и явления только продукты в нем? В результате такого описания и получится определенная система классов слов (конечно, с известными переходными ступенями и смешанными группами). Для «категории состояния», как это вытекает из всего сказанного в настоящей статье, места в этой классификации быть не может.

~~Передко возникает вопрос, по каким признакам можно отличать наречия от прилагательных (ср. *медленно*, *часто*, *смешно* и т. п.).~~ Для распознавания таких форм обычно выдвигается синтаксический критерий: считают, что в тех случаях, когда поясняется глагол или прилагательное, перед нами наречие, в остальных случаях — краткое прилагательное среднего рода. Однако с точки зрения морфологической отнесение таких слов, как *медленно*, *часто*, *смешно*, к кратким прилагательным или к наречиям решается в зависимости от того, является ли в них конечное -о показателем родо-числовой формы, т. е. принадлежит ли данное слово к ряду с флексиями *нуль* — *-а*, *-о*, *-ы* (*-и*) (*смешон*, *-смешн-а* *смешн-о*, *смешн-ы*) или же оно таким показателем не является.

Наречия не имеют родо-числовых форм потому, что они им, в силу их значения как части речи, не нужны: наречие обозначает признак без соотносительности с предметом. Оно может обозначать признак действия и признак другого признака, но оно может обозначать и признак, не соотносимый с носителем его. Последнее имеет место тогда, когда характер выражаемого наречием признака допускает отсутствие носителя.

В этих случаях признак приобретает те черты, которые превращают его в «качественное состояние» (В. В. Виноградов). Все это делает понятным, почему предложение, в котором утверждается наличие такого «качественного состояния», может быть только безличным, а слово, обозначающее состояние, выступает в качестве сказуемого такого предложения. Что «качественное состояние» непосредственно связано с характером лексического значения наречия, ясно видно из сравнения следующих наречий: *холодно, сухо, светло, хорошо, плохо, красиво, жалко, обидно, тревожно, опасно* и *грубо, случайно, терпеливо, гордо, часто, злобно, дружно*. Наречия первой группы могут выступать в функции «сказуемого» безличного предложения, наречия второй группы в этой функции выступать не могут. Показательно, что наречия, выступающие в сказуемой функции, могут сочетаться с наречиями места и времени, а также с дательным падежом существительного и местоимения, обозначающих субъект, испытывающий «состояние»; ср.: *здесь (теперь, брату) холодно; тогда (там, всем) было тревожно* и т. п. Наречия второй группы членами таких словосочетаний быть не могут.

Отказ от признания «категории состояния» как в этих речи приводит к тому, что некоторое количество слов, обычно включаемых в нее, остается «беспризорным», так как не может быть включено ни в один из существующих морфологических классов (*жаль, надо, можно, нельзя* и некоторые другие). Это факт, который остается только признать. Слова могут, в связи с общим ходом развития языка, выпадать из тех морфологических классов, в состав которых они ранее входили, не переходя в другие классы, но выполнять при этом те или иные синтаксические функции. Система взаимоотношений между частями речи и членами предложения не испытывает от этого никаких потрясений, так как она покоится на тех основаниях, которые создаются и поддерживаются взаимодействием только продуктивных и живых языковых фактов и процессов.